

А. Н. Стуков

**В НЕСКОЛЬКО
СТРОК**

А. Н. Стуков

В несколько строк

«Издательские решения»

Стуков А. Н.

В несколько строк / А. Н. Стуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964862-4

Короткие заметки. Наблюдения и впечатления. От первой половины двадцатого до первой четверти двадцать первого века. От блокадного детства до наших дней.

ISBN 978-5-44-964862-4

© Стуков А. Н.
© Издательские решения

В несколько строк

А. Н. Стуков

© А. Н. Стуков, 2019

ISBN 978-5-4496-4862-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ленинград, конец лета 1941 года. В квартире режут газеты на полосы и оклеивают ими окна. Мой вопрос: «А чего это вы дегае?» Объясняют, что враг приближается к городу, возможно, скоро начнутся бомбардировки и артобстрелы, оклеенные бумагой окна будут несколько более устойчивы к ударной волне. Я говорю: «Скогее бы начались бомбагдиговки и агтобстгелы, это, навегное, так интегесно!»

Начало осени 1941 года. Звонок в квартиру. На лестничной площадке девочки-школьницы, собирают по квартирам пустые бутылки. Спрашиваю: «А зачем вам пустые бутылки?» Мне объясняют, что в эти бутылки на заводе нальют горючую жидкость, и наши бойцы будут бросать их в фашистские танки.

Теперь это оружие называют «коктейлями Молотова». А горючую жидкость, намертво прилипавшую к танкам, изобрёл советский ученый, врач, химик и естествоиспытатель, потомок князей Голицыных Анатолий Трофимович Качугин (1895—1971). Мой родной дядя Симон Моисеевич Петушин поджжёт такой бутылкой фашистский танк. Когда, уже после войны, я расспрашивал его об этом, он объяснил, что самое главное надо как можно ближе подползти к танку и бросить бутылку изо всей силы, чтобы она разбилась о его броню. 27 января 1945 года, когда наши красноармейцы ворвались в Освенцим, в их числе был старшина морской пехоты Симон Моисеевич Петушин.

В блокадную зиму 1942 года мне исполнилось пять лет. Мы непрерывно голодные детсадовские ребятишки пытались тайком есть бумагу. Очень трудно было её проглотить.

Дядя Лёва, наш сосед по коммунальной квартире, учившийся на курсах младшего состава, специально отпросился из своей части, чтобы принести несколько кусочков столярного клея, из которых мне на спиртовке сварили суп.

Однажды я из-за слабости чуть отстал от мамы, которая вела меня в детский сад и очень торопилась, так как ей еще надо было успеть на работу, а трамваи не ходили. Внезапно передо мной появилась закутанная платками женская фигура, обхватила меня и куда-то потянула. Вмешательство случайных прохожих стало моим спасением. Перед тем, как исчезнуть, незнакомка пристально посмотрела мне прямо в глаза. Этот взгляд я запомнил на всю жизнь. В нём я и сейчас вижу безумие, злость и голодную тоску. Но что поразило меня уже тогда, в нём была укоризна.

Много дней во внутреннем дворе четырёхэтажного дома, в котором мы жили (Ленинград, улица Пятая Советская, дом 3/13), лежала мёртвая женщина без одежды. По утрам обнаруживалось, что из её тела вырезали всё новые куски.

Всю блокаду в Ленинграде работал цирк. И однажды я, мама и молоденькая сестра моей мамы пошли на представление. Я мало запомнил из того, что показывали в цирке. Но отчетливо помню, как мы туда шли: по краям тротуара лежат мертвые тела; живые идут медленно, с трудом переставляя ноги; многие из тех, кто идёт впереди нас, как бы оседают на землю, мы пытаемся помочь им подняться, иногда это удаётся но некоторые, несмотря на наши уговоры, так и остаются сидеть или даже лежать, просят их не трогать, обещают, что отдохнут немного и пойдут дальше.

Темно, холодно. Я с мамой на улице в очереди за хлебом. Меня прижали к двум стоящим впереди женщинам. Я слышу, как одна говорит другой: «Когда же наконец сдадут Ленинград. Мы же здесь все погибнем. Конечно, евреев и коммунистов убьют. Но нас-то за что? Нас ведь не тронут, и, может быть, дадут хлеба».

В одну из ночей трижды объявляли воздушную тревогу. В очередной раз спускаемся с четвёртого этажа. Надо пройти через двор, где вход в подвал, оборудованный под бомбоубежище. Артиллерийские залпы следуют через короткие промежутки, слышно, как падают осколки. Мама хочет идти, я её удерживаю, говорю, что надо подождать очередного взрыва и после него быстро перейти двор. Мы так и делаем, но едва мы доходим до середины двора, раздаётся новый взрыв, и к моим ногам подкатывается осколок. Я его поднимаю, но тут же бросаю: он очень горячий.

Ночь. Мы сидим в бомбоубежище. Непрекращающиеся разрывы снарядов. Вдруг оглушительный взрыв сотрясает наш дом. Потом всё стихает. Сидящий вблизи истощенный старик как бы про себя говорит: «Когда-нибудь мы так же будем бомбить Германию». К моему удивлению услышавшие эти слова женщины стали его злобно ругать: «Неужели он не видит, что с каждым днём становится всё хуже?» Старик пробовал возразить, но в результате их натиск оказался еще более яростным. Он молчал и сидел, обхватив голову руками. Мне стало его жалко, и я закричал: «Тётки, не гугайте дедушку, мы всё гавно будем гтомить Гегманию!»

Однажды к нам заглянул наш родственник, офицер достаточно высокого ранга. Пришел, чтобы проверить, живы ли мы еще. Мама у него спросила, выстоит ли Ленинград. Он ответил, что сдавать Ленинград не собираются, но потери огромные, и мы, скорее всего, больше не увидимся.

В апреле 1942 года детский дом, в который меня с целью эвакуации определили, вывезли из блокадного Ленинграда. Мы ехали в открытых грузовиках по льду Ладожского озера. Медленно объезжали полыньи. Сопровождающий говорил нам, что в них провалились машины.

Нас повезли в южном направлении. На одной из станций в привокзальной столовой перед каждым поставили тарелку с большой котлетой и обильным гарниром. Пораженные таким чудом мы набросились на еду, но тут же многие ребята закричали, а некоторые заплакали из-за совершенно невыносимого жара и горечи во рту. Никто из нас не сумел съесть больше одной или двух ложек. С обожженными ртами мы, как оглушенные, уходили из столовой, оставив полные тарелки. Лишь впоследствии я узнал, что при дистрофии истонченные стенки пищеварительного тракта очень ранимы и чрезвычайно чувствительны к любым сколько-нибудь острым приправам.

Приехали в город Горячий Ключ Краснодарского Края. Обширные яблоневые сады. На деревьях пока еще не созревшие яблоки. Но когда они созрели, началось вражеское наступ-

ление. Нас успели вывезти. Я смотрел на оставляемое позади яблочное изобилие и мысленно представлял немецких солдат, жующих эти яблоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.